Михирёв Никита

Душа

Никита Михирёв

Душа

https://litres.ru/74806772
SelfPub; 2026

Аннотация

Я создал этот сборник не ради пьедесталов и не в погоне за деньгами. Мне хочется просто показать вам, дорогие читатели, что боль, скорбь и радость можно бережно заключить в слова — в письмо, в строки стихов и даже прозы. И порой само их написание становится тихой опорой. Ведь поэзия умеет лечить не хуже врачей или психологов — она возвращает дыхание, когда его почти не осталось.
Каждое сочинение в этом сборнике родилось в непростые, а порой и по-настоящему скорбные дни моей жизни. Но куда же без радости — она тоже здесь, живёт рядом с печалью, согревает изнутри. Здесь есть и вера в Бога — да, именно так, просто и без пафоса. В этом сборнике вы встретите не только размышления о грусти, радости и печали, но и тихие разговоры с Вечным.
Я не стану навязывать вам своё мировоззрение,

не буду загонять ни себя, ни вас в жёсткие рамки правил и догм. Я лишь хочу, чтобы вы почувствовали: в каждой букве, в каждом слове живёт моя душа. Это не литература, выстроенная по строгим канонам, — это душа.

Никита Михирёв
Душа

1
«Душа»
Михирёв Никита
2026
ОГЛАВЛЕНИЕ
ЛИРИКА И КОРОТКАЯ ПРОЗА
Одиночество
4
.....
СВО-Ю
5
.....
Расстояние.
6
.....
Вера
7
.....
Итог минувших дней…
8
.....
Правда

11
.....
Серые будни.
12
.....
Книга жизни
15
.....
Жасмин
16
.....
Верность
17
.....
Спичка
18
.....
Отрывки
19
.....
Ноябрь
20
.....
Анна
25
.....

Любовь
37
.....
Мир
38
.....
Что происходит?
40
.....
Сигареты
43
.....
Приходи на меня посмотреть
44
.....
Мастер
45
.....
Пёрышко и часовой механизм
46
.....
Bien, et toi ?
53
.....
Символ веры
54

.....
Мой человек
55
.....
Сей рассказ
56
.....
Суждения про «Мастера и Маргариту»
57
.....
Новогодняя сказка
63
.....
Серебряная ниточка
63
.....
СТИХИ О ВЕРЕ, СУДЬБЕ И РОДИНЕ
Россия
70
.....
Гроб
71
.....
Манифест
72
.....

Яд от раздора
73
.....
Сочельник
74
.....
Поминание
75
.....
Страх……
76
.....
Тело
77
.....
Один сюжет
78
.....
Святая
79
.....
Монашеское
80
.....
Анна и Бог
81

.....
Пантелеймон
85
.....
Монашка
86
.....
Чай
87
.....
Старик молодому сказал на рассвете
88
.....
Тысячи лет
89
.....
Добро
90
.....
Дар от Творца
91
.....
Час ответа
93
.....
Он милосерден и велик

94
.....
Будущее
95
.....
Один и сон
96
.....
Старость
99
.....
Просто дышать
102
.....
Музыкант
103
.....
Стыд и срам
104
.....
Пробуждение
105
.....
О любви……
106
.....

Посвящается моей семье
107
.....
Книга
108
.....
Отчизна
109
.....
Pravda
110
.....
Наставникам
112
.....
Мой закон
113
.....
Новый акт
115
.....
Раневская
116
.....
Исповедь
117

.....
Храму Георгия Победоносца с.Истобное
120
.....
Белгород
121
.....
Губкин
125
.....
Родной город
128
.....
Алмазы и бижутерия
130
.....
РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ
Оливки и Ноябрь
131
.....
Глава первая. Поздняя почта
131
.....
Глава вторая. Чайник
132
.....

Глава третья. Птицы
134
.....
Глава четвёртая. За чаем, без ничего
137
.....
Глава пятая. Квартал
138
.....
Глава шестая. Вопрос о воде
140
.....
Глава седьмая. Всё то, что было
141
.....
Глава восьмая. Пианино в теплице
142
.....
Глава девятая. Двенадцать лет спустя
143
.....
Глава десятая. Оливки
144
.....
Соль земли
146

.....
Тихий свет
164
.....
Глава первая
164
.....
Глава вторая
166
.....
Глава третья
168
.....
Глава четвёртая
170
.....
Глава пятая
172
.....
Глава шестая
174
.....
Глава седьмая
176
.....
Глава восьмая

178
.....
Глава девятая
179
.....
Глава десятая
181
.....
Доктор Тимоша и Аптека на краю света
188
.....
Глава первая. Город, где болели сердца
188
.....
Глава вторая. Ученик, который спрашивал «почему?»
190
.....
Глава третья. Аптека на краю света
192
.....
Глава четвёртая. Тихий мальчик с пуговицами
193
.....
Глава пятая. Тень с горы
196
.....

Глава шестая. Фестиваль, которого не было сто лет
198
.....
Глава седьмая. Слёзы доктора
200
.....
Глава восьмая. Как Тимоша учил новых докторов
202
.....
Глава девятая. Луна над аптекой
203
.....
Тихая чаща
235
.....
Глава первая. Дорога, которой никто не ходил
235
.....
Глава вторая. Что дедушка не договорил
240
.....
Глава третья. Круг, который читается
242
.....
Глава четвёртая. Бумаги
245

.....
Глава пятая. Письма А. из К.
248
.....
Глава шестая. Двенадцать
252
.....
Глава седьмая. Тётя Зина и живая память
256
.....
Глава восьмая. Марья Петровна и тени прошлого
260
.....
Глава девятая. Проект доски
263
.....
Глава десятая. Расчистка круга
264
.....
Глава одиннадцатая. Деньги и люди
265
.....
Глава двенадцатая. Доска
266
.....
Глава тринадцатая. Первый снег и последнее «прости»

268
.....
Глава четырнадцатая. Решение
270
.....
Глава пятнадцатая. Дом, который помнит
271
.....
Тихая чаща (продолжение)
273
.....
Ключ от номера третьего
300
.....
Глава первая. Гость из Москвы
300
.....
Глава вторая. Лариса, горничная
303
.....
Глава третья. Левитин
305
.....
Глава четвёртая. Веретенников
308
.....

Глава пятая. Ключ
311
.....
Глава шестая. Собор
313
.....
Глава седьмая. Документ из архива
315
.....
Глава восьмая. Вторая жизнь Веретенникова
317
.....
Глава девятая. Ночь в соборе
319
.....
Глава десятая. Развязка
321
.....
Глава одиннадцатая. Икона
324
.....
Глава двенадцатая. Правда
325
.....
Эпилог
326

.....
СТИХИ МЕЖДУ БОЛЬШОЙ ПРОЗОЙ
Эстрада
183
.....
Перемены
185
.....
Великий Цой
186
.....
Земля
187
.....
Сирень
205
.....
Весенний сад
206
.....
Старый маяк
207
.....
Дождь в старом городе
208
.....

Горная вершина
209
.....
Костёр в ночи
210
.....
Библиотека
211
.....
Поле ромашек
212
.....
Осенний парк
213
.....
Возвращение домой
214
.....
Хулиганы
215
.....
Смерть
216
.....
Черновик и беловик
217

.....
Театр одного актёра
218
.....
Очередь за счастьем
219
.....
Багаж
220
.....
Зеркала
221
.....
Скорость
222
.....
Цена слова
223
.....
Маски и лица
224
.....
Итог
225
.....
Без дублёров

226
.....
Честное зеркало
227
.....
Не по сценарию
228
.....
Тихая гавань
229
.....
Последний аргумент
230
.....
Финал спектакля
231
.....
Без лишней драмы
232
.....
Пустой партер
233
.....
Искусство ухода
234
.....

Предчувствие и первый залп
275
.....
Коко
281
.....
Трубы
283
.....
Холодная осень
284
.....
Соборование
285
.....
Пышная свадьба
286
.....
Бабушка
287
.....
О мудрости (эссе)
288
.....
О мудрости (стихотворение)
299

.....
СЛОВО «ОТ АВТОРА»
От автора
328
.....
. ...
2

«Предисловие»

Я создал этот сборник не ради пьедесталов и не в погоне за деньгами. Мне хочется просто показать вам, дорогие читатели, что боль, скорбь и радость можно бережно заключить в слова — в письмо, в строки стихов и даже прозы. И порой само их написание становится тихой опорой. Ведь поэзия умеет лечить не хуже врачей или психологов — она возвращает дыхание, когда его почти не осталось.

Каждое сочинение в этом сборнике родилось в непростые, а порой и по-настоящему скорбные дни моей жизни. Но куда же без радости — она тоже здесь, живёт рядом с печалью, согревает изнутри. Здесь есть и вера в Бога — да, именно так, просто и без пафоса. В этом сборнике вы встретите не только размышления о грусти, радости и печали, но и тихие разговоры с Вечным.

Я не стану навязывать вам своё мировоззрение, не буду загонять ни себя, ни вас в жёсткие рамки правил и догм. Я лишь хочу, чтобы вы почувствовали: в каждой букве, в каждом слове живёт моя душа. Это не литература, выстроенная по строгим канонам, — это слова,

рождённые душой, искренние и уязвимые. Пусть они найдут отклик в вашем сердце.

«Одиночество»

Такое ли, каким оно кажется, это одиночество: для кого-то оно рай, а кому-то — адская мука. Интересно то, что некоторые люди в нём даже восстанавливают своё ментальное и физическое здоровье, а некоторые теряются в тишине и тоске по общению. Неизменным остаётся лишь то, что человек, который желает общения, не имея его, сходит с ума, отправляется в столь необетованные и далёкие земли своего сознания, тонет в мыслях бытия и вешается на петле событий.

Встаёт вопрос: как же избавиться от одиночества? Кто-то говорит, заполнить его общением, друзьями и т. д., а кому-то хватает и сериалов с чайком и вкусняшками, лёжа под

одеялом.
Итог: одиночество для каждого своё, кого-то оно съедает изнутри, а кому-то оно нравится. Остаётся только гадать над вопросом об этом странном чувстве, ведь и у вас, наверное, бывает такое, что одиночество зависит от вашего настроения: если его нет, то от одиночества хочется повеситься, а если оно есть, то одиночество может скрасить времяпрепровождение наедине с собой.

5

«СВО-Ю»

Перо как меч? Оставьте этот пафос,
К чему кричать про доблесть и войну?
Когда вокруг меняется ландшафт нас,
Я выберу иную тишину.
Душа ранима, но зажили раны,
И юность пролетела, как взахлёб.
Пусть суетятся «темные смутьяны»,
Готовя мне забвенья черный гроб.
Сей мир жесток, в нем чести слишком мало,
Но я клинком махать не побегу.
Поэзия — не сталь из под завала,
Она — ответ притихшему врагу.
Хотят сломать меня, как хворост,
И пеленой колючей затянуть?

Не тратьте силы, господа палаты,
Мой стих — не прут. Его нельзя согнуть.
Вам не закрыть лицо мое руками,
И не заставить замолчать в строю.
Вы бьетесь ветром, ну а я — стихами
Обиду превращаю в доблесть сво-ю.
6
Расстояние.
Мне тяжелы минуты расставания,
И долгая разлука не легка.
Мне так больны слова прощания,
Жизнь без нее уже не та.
Остаться бы еще подольше,
Упасть в объятья и уснуть.
И до утра не просыпаться,
В любви и ласки утонуть.
Вкушать от прядей ароматы,
Смотреть в блестящие глаза.
Не отводя свой взор с ее улыбки,
И оставаться с ней всегда……
7
Вера
Вера — это не гром и не знаменья,
Не строгие лица и не запрет.
Это чашка чая в холодный вечер,
И то, что внутри не гаснет свет.

Это когда в самой глухой печали
Вдруг кто-то шепнет: «Держись, родной».
И ты понимаешь, что мир не предал,
Что рядом есть кто-то вечно живой.
Не надо искать Его в дальних странах,
Он в каждом добром и тихом мгновенье.
В улыбке, в прощении, в тихом молчанье —
Вот где живёт Его благословенье.

8

Итог минувших дней…

Подводя черту, хочется остановиться на вопросе, который кажется до боли простым — и всё же не теряет своей остроты: в чём смысл жизни? И что вообще такое жизнь?

Мудрецы и старцы говорили, что жизнь — это маленькая книга со своей неповторимой историей, сюжетом и главами, которая может оборваться в любой момент. И каждый из нас — её автор. Мы сами пишем свою историю, не избегая ни светлых, ни тёмных красок. И в этом — вся правда: наши радости и печали, ошибки и озарения складываются в ту самую единственную повесть, которую никто не сможет написать вместо нас.

Может ли у жизни быть какой-то единый, универсальный смысл? Пожалуй, нет. Но в этом

и кроется её великая свобода: смысл для каждого свой. Кто-то скажет: «Смысл в том, чтобы прожить достойно». Другой добавит: «В том, чтобы расти, узнавать новое, становиться лучше». И оба будут по-своему правы.

Но есть нечто, что способно преобразить даже самые серые дни, — это любовь. С её

появлением мир будто раскрывается, вспыхивает новыми красками, показывает себя во всей своей глубине и красоте. Для кого-то первый настоящий вдох — это любовь к близкому человеку: к партнёру, к семье. А кто-то находит эту любовь в вере, в ощущении связи с чем-то большим, открывая для себя смысл бытия и понемногу отпуская тяжесть скорби и страха перед неизбежностью.

Истинный смысл, быть может, и заключается в умении жить и дышать полной грудью, в способности удерживать эту тонкую гармонию. Не прятаться от неудач и боли, но и не позволять им заслонить главное. Уметь парировать удары судьбы, оставаясь при этом в пространстве любви — к себе, к людям, к миру. Омар Хайям во многих своих строках словно шепчет нам об этом. Да и многие другие поэты

и писатели пытались передать эту тайну. Но, пожалуй, мало кто умел показать любовь во всей её противоречивой, обжигающей, живой многогранности так, как это делала Марина Цветаева. В её стихах любовь — не просто чувство, а стихия, способная и разрушать, и возрождать, и вести сквозь тьму к свету.

10

1.

Что такое душа, знает каждый мудрец,
Какое начало её и конец.
Все пишут и пишут ей цену издревле,
Не знают невежды — цены её нет.

2.

Не знают правители цену души,
Людские страдания для них хороши.
Поистине свято у власти стоят,
А как конец их приходит, о душе говорят.

3.

Белым саваном укутан покойник в гробу
—
Это всё, что известно про нашу судьбу.
Не смотри на богатство и благо мирское
—
Всё равно станешь древом в чьём-то саду.

4.

Если бы мир был, как в писаньях гласит,
Стал бы он чище, чем белый гранит.
Но, увы, такому не быть никогда,
Ведь даже на небе есть тёмные облака.

11

«Правда»

Мы с Дарвином сроднились до предела,
Забыв, что значит совесть или стыд.
Душа теперь обслуживает тело,
И бог рекламы сверху нам кричит.
Пришел на смену гной из позы,
Уродство душ возведено в закон.
Мы разучились верить в божьи сказки,
Поставив пошлость на святой амвон.
Убийца нынче ходит в белом глянце,
А вор нетленен — он у нас пророк.
Мы бьем поклоны в сумасшедшем танце
Тому, кто глуп, напыщен и жесток.
Опомнитесь! К чему все эти масти?
Смотрите проще на людской порок.
Не осуждайте тех, в чьей тихой власти
Остался чистой искренности слог.
Во времена бесчинства, лжи и воя,
Когда вокруг руины и костры,
Живите так, как будто вас лишь двое —
Вы и Господь. До финишной черты.

Серые будни.

День выдался серым. Воздух был густ от сырой грязи и тумана, будто сама земля дышала тяжёлым, усталым дыханием. Я стоял на берегу, всматриваясь в даль, где силуэты застыли, словно вырезанные из темноты. Они не двигались — будто время там остановилось, и даже ветер не смел их тревожить.

Над притихшей рекой метались птицы. Их крики резали тишину, звучали испуганно и отчаянно, будто они знали что-то, чего не знал я. Я поднял голову: в небе, среди рваных облаков, чертили свои пути странные корабли. Не обычные суда, а будто пришедшие из другого мира. Говорили, что те, кто уходит на юг, находят там покой. Но мне покоя не хотелось — хотелось понять, куда всё это ведёт.

Внутри меня что-то застыло — холодная, острая сталь одиночества. Она не жгла, она сковывала, но вместе с тем держала меня в сознании, не давала раствориться в этом сером дне. Юность во мне спорила с тем, что наступало: с жёлтой листвой, которая кружилась в воздухе и уносила с собой остатки света, с ветром, который мчался

из-за тёмных гор, хлестал по лицу и шептал о конце.
Я чувствовал, как за мной тянется что-то древнее. Призрак седой, незримый, как дым, вился над головой, нащупывал мой след. Он не кричал, не грозил — он просто был, тяжёлый и неизбежный, как память о том, что всё когда-то кончается. Но я сжал кулак. В нём, казалось, остался
солнечный
свет
—
крошечный,
упрямый, но настоящий. Я не собирался прощаться с надеждой. Не собирался прощаться с ранней весной, даже если её не было видно за тучами.
Листья шуршали под ногами, предвещая приход темноты. Воздух стал пронзительно колючим, а ветер — резким, как удар хлыста. Но я не закрывал глаз. Не хотел сжигать мосты, даже если впереди была неизвестность. Во мне росло упрямство — как у чинары, что стоит на ветру, сильная и ветвистая, не сгибающаяся даже в бурю.
Ледяная крупа начала сыпаться с неба, ударяя по

лицу, словно проверяя, сколько я смогу выдержать.

У
берега
вода
застывала,
превращаясь в тонкий лёд, и казалось, что сама жизнь замедляется, сворачивается в тугое, больное кольцо. Но я не хотел его замыкать. Не

хотел увядать просто так, сдаться холоду, который подбирался всё ближе.

Снег и метель пришли следом, заметая старые следы, пряча изъяны, сглаживая острые углы. Они укутывали спящий курган белым саваном, будто хотели стереть прошлое. Но я смотрел на эту белизну и думал: она не должна быть концом. Думать о старости сейчас было больно и слишком рано. Сердце ещё не заполнил холодный туман. В нём всё ещё билось что-то живое — упрямое, молодое, готовое спорить с ветрами и призраками. И пока оно билось, я знал: я не сдамся.

Книга жизни

Мы все словно книги — на полках в ряду,

Начертаны судьбы у всех на виду.
Казалось бы, просто сюжет прочитать,
И тайны чужие легко разгадать.
Но в ком-то — лишь строчка, понятная всем,
А в ком-то — загадки тяжелых дилемм.
Бывают такие: начнешь говорить —
И слово за пять начинаешь ценить.
Характер и мысли, надежды и сны
В чертах на лице изначально видны.
Но время течет, унося имена,
И память, как море, порой холодна.
Одни растворятся, исчезнув во мгле,
Другие оставят свой след на земле.
Пройдет много зим, пролетят города —
Мы вспомним родные сердца сквозь года.
Пусть мы не безгрешны, сварливы порой,
У каждого в книге — финал свой и строй.
Мы — странные тексты, что пишет судьба,
И жизнь — это чтение, а не борьба.

16

Жасмин

Я благодарен небесам за этот дар —
За белый цвет и тонкий аромат.
Жасмин в душе разжег такой пожар,
Что я в плену и сам тому я рад.
Хочу взлететь, в его тени укрыться,

В дурмане сладком нежно раствориться.
За что люблю? Не знаю... Небо, слышишь?
Зачем так сладко этим цветом дышишь?
В чем смысл заката, если нет его?
Жасмин — и больше нет здесь ничего.
Он — созидатель мимолетной сказки,
В нем жизнь и блеск, и шаловство, и краски.
Меня ты обыграл, хитрюга милый,
Своей пленительной и мягкой силой.
Срубил под корень запахом своим...
Как жаль, что этот миг неуловим!

17

Верность

Вчера мне верность обещали
И клялись честность соблюдать.
Но утром — нагло мне наврали,
А к вечеру — решили уж предать.
Наивно слушал я обманы,
Давая шанс пустым словам.
И ныли в сердце моем раны,
Перекрывая шум и гам.
Я жил, согнувшись от испуга,
Боясь предательства опять.
С судьбой играя в час досуга,
И так боялся проиграть.
Теперь живу, не зная горя,

Дарю любовь душе своей.
Ведь в жизни, как в широком море,
Я выплыл из грязи тех дней.
18
Спичка
Могу сказать: «Она мне безразлична».
Но сердце скажет: «Хватит врать себе!»
Сгораешь ты — эффектно и публично,
Как спичка в этой выжженной судьбе.
Ты стонешь втайне, слезы скрыв под веки,
Ты держишь крики в запертой груди.
Ты тонешь в этом мутном, горьком русле,
Не видя ничего там, впереди.
Стремишься к новизне, сжигая мостик,
Стираешь мысли, губишь всё подряд.
Но в сердце — тишина, как на погосте,
Где мысли ровным бременем лежат.
Оно замерзло. Ангельской душою
Пожертвовав в тот роковой момент.
И что теперь останется с тобою —
Узнает смерть. Других ответов нет.
19
Отрывки
Надо в церковь приходить,
С добротой в своей душе,
Не искать земного блеска

Вам на дьявольской меже.
Вспомним слово Иисуса,
Чтоб развеять вечный страх:
«Не копите здесь сокровищ,
Где съедает ржа и прах» (1) . От Матфея 6:19-
20
Припадите, люди, к Богу,
Прочь гоните суету.
Узкую найдем дорогу,
Что ведет нас к Алтарю.
Он сказал: «Я есмь Дорога,
Истина и Жизнь для всех» (2) . От Иоанна 14:6
У Его любви порога
Смоет Он тяжелый грех.
Возлюбите даже тех вы,
Кто принес вам боль и зло.
«За врагов своих молитесь» (3) От Матфея 5:44
Чтобы солнце их взошло.
Отрекитесь от гордыни,
От неправды и греха,
Будем жить с Христом отныне,
Чтоб спаслась у нас душа.
20

Ноябрь

Ноябрь не приходит — он просачивается.
Незаметно, капля за каплей, тень за тенью. Ещё

вчера в воздухе висела золотая пыльца октября, а сегодня мир стал серым, будто кто-то смыл с него все краски тёплой водой. И эта серость — не просто цвет. Это тишина, в которой слышно, как ломается сухая ветка, как шуршит по асфальту мокрый лист, как ветер, уже не летний, а тяжёлый и усталый, тянет за воротник, будто зовёт куда-то, где теплее.

Я выхожу на улицу рано, когда город ещё спит, и первые фонари горят, как одинокие маяки в густом молоке тумана. Воздух пахнет мокрым бетоном, остывшим асфальтом и чем-то неуловимо горьким — то ли дымом из труб, то ли самой усталостью уходящего года. Под ногами хлюпает: лужи не замерзают, но стынут, становятся тяжёлыми, свинцовыми. В них отражается небо — такое же низкое, плотное, будто его прижали к земле невидимой ладонью. Деревья стоят голые, их ветви похожи на трещины в стекле, на нервные линии на старой гравюре. Они больше не прячут свои силуэты — они их выставляют напоказ, как шрамы, как доказательство того, что пережили лето и не сломались.

21

В такие дни особенно остро чувствуешь время.

Оно больше не летит, как в июле, когда дни сливаются в один горячий поток. Теперь оно ползёт, вязкое, как густой сироп, и каждый час ощущается отдельно, со всеми своими минутами и секундами. Ноябрь учит терпению. Он заставляет замедлиться, прислушаться к себе, потому что снаружи почти ничего не происходит — только дождь, только ветер, только редкие прохожие, кутающиеся в шарфы и прячущие лица в воротники. Кажется, что весь город надел капюшон и идёт, опустив голову, стараясь не встречаться взглядом с этим серым небом.

Но в этой серости есть своя красота — тихая, почти незаметная. Она прячется в деталях. В том, как свет фонаря ложится жёлтым пятном на мокрый тротуар. В том, как пар от дыхания зависает в воздухе, словно крошечное облако. В том, как редкие птицы, не улетевшие на юг, сидят на проводах, нахохлившись, и кажутся маленькими стражами этого унылого, но такого родного города. В витринах магазинов зажигаются огоньки, и они не такие яркие, как перед Новым годом, но в них уже есть обещание праздника — тёплое, приглушённое, как свет лампы в комнате, где кто-то ждёт тебя

дома.
22
Дома в ноябре пахнет иначе. Это запах нагретого дерева, старого пледа, горячего чая с лимоном и корицей. Здесь можно наконец-то выдохнуть, сбросить с себя тяжесть улицы и позволить себе быть просто человеком, который устал и хочет уюта. Можно сесть у окна с чашкой в руках и смотреть, как капли дождя стекают по стеклу, рисуя свои случайные узоры. Можно открыть книгу и провалиться в другой мир, где нет ни ветра, ни сырости, а есть только слова, которые согревают изнутри. Или можно просто сидеть и слушать, как тикают часы, и понимать, что ноябрь — это не конец, а пауза. Время, когда природа замирает, чтобы собраться с силами перед долгой зимой.
Люди в ноябре становятся другими. Кто-то замыкается в себе, прячется от холода и сырости, старается не выходить лишний раз на улицу. Кто-то, наоборот, ищет тепла в общении, зовёт друзей на кофе, устраивает домашние посиделки, чтобы отогнать эту серость хотя бы на пару часов. А кто-то просто учится жить с этим ноябрём — принимать его таким, какой он есть: мокрым, холодным, немного грустным, но

настоящим. И в этом принятии есть своя сила. Сила человека, который не пытается бороться с погодой, а находит в ней что-то своё, личное.

23

Иногда ноябрь дарит редкие, почти драгоценные дни. Когда дождь наконец-то стихает, ветер успокаивается, и небо, хоть и остаётся серым, становится светлее, прозрачнее. В такие моменты кажется, что вот-вот выглянет солнце, пусть даже на полчаса, чтобы напомнить, что оно всё ещё там, за этими тучами. И даже если оно так и не появляется, сам этот намёк на свет уже согревает. Он даёт надежду, что за ноябрём придёт декабрь, а за ним — январь, февраль, и снова весна. Что этот цикл не прервётся, что всё будет повторяться, и в этом повторении есть утешение.

Ноябрь — это месяц, когда хочется писать письма, которые никогда не отправишь, или вести дневник, куда можно выписывать все свои мысли, даже самые нелепые и грустные. Это время, когда внутренний мир становится важнее внешнего, когда начинаешь прислушиваться к себе, к своим чувствам, к тому, что накопилось за год. Ноябрь словно приглашает к разговору — тихому, неторопливому, без лишних слов. Он

не требует действий, он просит только одного: остановиться и подумать. О том, что было, о том, что есть, о том, чего хочется дальше.
И когда вечер опускается на город, и улицы становятся ещё темнее, а фонари горят ярче, ты понимаешь, что ноябрь не так уж и плох. Да, он

холодный и сырой, да, он заставляет кутаться в тёплые вещи и спешить домой. Но он также учит ценить тепло, уют, свет, голос близкого человека. Он напоминает, что счастье — это не всегда солнце и жара, иногда это просто чашка горячего чая, книга, плед и знание, что завтра будет новый день, а значит, будет и новый шанс всё исправить, всё начать заново.

Анна
Ноябрь не просто пришёл — он въелся в город, как холодный дождь въедается в пальто. Он пробирался по переулкам, шуршал мокрыми листьями у подъездов, стучал каплями по карнизам, будто напоминал: «Пора замедляться. Пора готовиться». И в один такой вечер, когда небо стало цвета остывшего чая, а ветер гнал по тротуару обрывки газет, в эту ноябрьскую тишину вплелась маленькая история — не

громкая, не героическая, но своя, очень человеческая.

Анна выходила из библиотеки ровно в шесть. Она любила это время: город ещё не успел окончательно погрузиться в темноту, но фонари уже зажигались, и их свет ложился на мокрый асфальт дрожащими жёлтыми пятнами. Сегодня она задержалась — листала старый альбом с фотографиями, будто надеялась найти в чужих улыбках ответ на какой-то свой невысказанный вопрос. Пальто было тёплым, но ноябрь всё равно находил щели: забирался под воротник, щипал
уши,
напоминал,
что
лето
давно
закончилось.

На углу, где всегда стоял лоток с горячими напитками, сегодня было пусто. Только смятый

бумажный стаканчик крутился по тротуару, гонимый ветром. Анна вздохнула, плотнее запахнула пальто и свернула в переулок — короткий путь до дома, который она знала

наизусть. Здесь фонари горели реже, и тени от голых ветвей ложились на стены, как трещины на старом стекле.

И вдруг она заметила его. Мальчишка лет двенадцати, в слишком лёгкой куртке, сидел на краю невысокого парапета и смотрел куда-то в темноту двора. Рядом, прижавшись к его ноге, дрожал щенок — мокрый, испуганный, с прилипшей к шерсти листвой.

Анна остановилась. Ветер тут же воспользовался паузой — рванул полы пальто, словно торопил: «Иди, тут холодно». Но она не пошла.

— Ты чего тут сидишь? — голос прозвучал чуть резче, чем хотелось, но ноябрь делал всех немного грубее.

— Да ничего, — мальчишка пожал плечами, но не поднял глаз. — Просто… он не хочет уходить. А я не могу

его
бросить.
Щенок тихо поскуливал, будто подтверждал: да, я тут, и я боюсь.
Анна посмотрела на них — на этого упрямого мальчика, который не мог предать того, кто доверился, и на щенка, у которого не было ни

дома, ни зонтика, ни даже сухого уголка. Ноябрь вокруг становился всё холоднее, а внутри у неё вдруг потеплело от простой, но очень нужной мысли: сейчас важно не спешить.
— Давай так, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Тут недалеко есть кафе, там тепло. И у меня в сумке есть бутерброд — я не успела съесть. Можно зайти, согреться, а потом подумаем, что делать дальше.
Мальчишка наконец поднял глаза. В них было столько осторожной надежды, что Анна чуть не улыбнулась. Почти. Ноябрь не очень располагал к улыбкам, но он и не мог запретить человеку быть добрым.
Они пошли втроём: Анна впереди, мальчик следом, крепко придерживая щенка, чтобы тот не поскользнулся на мокрых листьях. Ветер всё ещё толкал в спину, но теперь это было не злое

давление, а просто погода — с ней можно было договориться, если держаться вместе.

В кафе пахло горячим шоколадом, корицей и чем-то уютным, почти забытым. Официантка, увидев их, не стала задавать лишних вопросов — просто принесла плед для щенка и горячий чай для всех троих. Щенок, почувствовав тепло, прижался к ногам мальчика и наконец перестал

дрожать. Анна достала бутерброд, разделила его на три части — одну щенку, остальное мальчугану. Тот сначала отказывался, но голод и тепло сделали своё дело: он кивнул, пробормотал «спасибо» и укутался в плед.

— Как его зовут? — спросила Анна, глядя, как щенок жадно грызёт кусочек хлеба.

— Не знаю, — мальчик пожал плечами. — Я его

только сегодня нашёл. Он сидел под кустом и скулил.

Я
не
мог
пройти
мимо.

— Хорошее имя — «Не знаю», — улыбнулась Анна. — Но, наверное, ему нужно что-то получше.

— Может, Ветер? — вдруг предложил мальчик.

— Он ведь такой же упрямый. Не хочет сидеть
на
месте,
всё
время
тянет
вперёд.

Анна кивнула. Ветер. В самый раз для ноября. Пока они пили чай, Анна рассказала, что знает про приют для животных неподалёку — там могли помочь с осмотром и временным размещением. Мальчик слушал внимательно, кивал, но в глазах читалось: «А вдруг его заберут и я больше не смогу его видеть?» Анна поняла это без слов.

— Можно так, — сказала она. — Я помогу тебе всё оформить. И ты сможешь его навещать. Это

не значит «прощаться», это значит «помогать, пока не станет лучше».
Мальчик долго молчал, будто взвешивал эти слова. Потом тихо кивнул.
Когда они вышли из кафе, ноябрь уже не казался таким беспощадным. Да, дождь снова начал накрапывать, да, ветер по-прежнему гнал по улице обрывки осени, но теперь у этого вечера была цель. Они шли по тёмным переулкам, и щенок, теперь уже не дрожащий, семенил рядом, иногда тыкаясь мокрым носом в ладонь мальчика. Анна шла чуть впереди, подсвечивая путь фонариком телефона, и думала, что ноябрь умеет не только забирать тепло — он умеет и показывать, где его можно найти.
Приют оказался небольшим, но добрым местом: там встретили их без лишних слов, сразу взяли щенка на осмотр, пообещали, что с ним всё будет в порядке. Мальчика попросили заполнить простую анкету — и тут он впервые улыбнулся, пусть и чуть-чуть. Когда он писал имя «Ветер», его рука дрожала, но не от холода.
— Спасибо, — сказал он Анне, когда всё было

сделано.
—
Вы
не
обязаны
были…
— Знаю, — ответила она. — Но ноябрь — такое
30
время, когда особенно важно не проходить мимо. Даже если просто на минуту остановиться.
Они попрощались у ворот приюта. Анна пошла дальше по своим делам, а мальчик остался — чтобы ещё немного побыть рядом с тем, кого спас. И пусть ноябрь продолжал сыпать дождём и холодом, в этот вечер в городе стало чуть теплее. Потому что тепло — это не только температура воздуха. Это когда кто-то не прошёл мимо.
А дома, уже поздно, Анна села у окна с чашкой чая и смотрела, как капли стекают по стеклу. Ноябрь всё ещё был серым, мокрым и холодным. Но теперь в нём было что-то ещё — маленькая история, которая согревала изнутри. И она знала: даже если завтра снова будет дождь и ветер, даже если улицы будут пустыми, а фонари — одинокими, всегда найдётся тот, кому нужно

просто не пройти мимо. И, может быть, именно это и есть самое важное в ноябре. Вот продолжение — теперь про Анну и мальчика, про то, как их ноябрьские пути не разошлись после приюта, а стали идти рядом.

После приюта Анна не пошла сразу домой. Она свернула в тот самый переулок, где впервые увидела мальчика, и остановилась у фонаря. Капли с карниза падали ей на шарф, но она не

спешила смахивать их. В голове крутились слова, которые она так и не сказала: «Я тоже сегодня не хотела возвращаться в пустую квартиру». В библиотеке она листала старый альбом не ради ответа — она искала хоть чью-то чужую историю, чтобы не чувствовать так остро свою
тишину.

Но
ответ
пришёл
не
из
фотографий,
а
из

мокрого
переулка,
из
дрожащего
щенка
и
упрямого
взгляда
мальчишки.
На следующий день Анна пришла в приют снова — принесла тёплый плед с узором из оленей и банку
хорошего
корма.
Администратор
улыбнулась: «А Ветер уже стал местной знаменитостью. И у него есть друг». Мальчик стоял у вольера, прижав нос к сетке, и тихо шептал: «Ну давай, не бойся, тут тепло, я же тут». Щенок кружился, путался в собственных лапах, но уже не скулил. Он будто поверил, что холод — это не навсегда.
— Ты каждый день приходишь? — спросила Анна,
подходя.
— Ага, — мальчик пожал плечами, но в голосе

слышалась гордость. — Мне мама сначала не разрешала, говорила, что я уроки не делаю. А я ей всё рассказал: и про переулок, и про кафе, и про
то,
что
он
дрожал.
Она
посидела,
помолчала… и сказала: «Ладно. Но сначала
32
уроки».
Анна улыбнулась. В этом «но сначала уроки» было столько обычного, домашнего тепла, что ноябрь на секунду показался не таким колючим.
Они стали ходить в приют вдвоём. Анна показывала
мальчику,
как
заполнять
волонтёрские анкеты, как отмечать, сколько раз Ветер виляет хвостом и сколько кусочков съедает. Это были маленькие, но настоящие дела — и в них не было места одиночеству. По дороге они заходили в то самое кафе, и официантка уже

знала: «Вам как обычно — чай, какао и бутерброд на троих». Щенок ел свой кусочек, а мальчик рассказывал Анне про школу, про дворовых котов, про то, как однажды видел, как туман поднимается прямо от асфальта, будто город дышит. Анна слушала и думала, что, наверное, именно так и строится доверие — не громкими
словами,
а
вот
этим:
какао,
бутербродом, тихим разговором под шум дождя.
Однажды вечером, когда небо стало почти чёрным, а фонари зажглись раньше обычного, мальчик остановился у витрины книжного и тихо сказал:
— А можно я вам спасибо скажу? Не просто «спасибо», а по-настоящему. Потому что если бы
вы
тогда
прошли
мимо…
Анна хотела сказать что-то взрослое и мудрое, но

вместо этого просто положила руку ему на плечо
—
осторожно,
чтобы
не
спугнуть
эту
серьёзность.
— Знаешь, иногда самое важное — это просто не пройти мимо. Даже если тебе самому холодно и хочется домой. Я рада, что не прошла.
Мальчик кивнул, будто принял это как правило, которое стоит запомнить.
А потом случилось то, чего никто не ждал. В приюте сказали, что Ветер почти здоров, и если найдётся кто-то, кто готов взять его на
испытательный
срок,
можно
попробовать.
Мальчик замер, а потом быстро-быстро замотал головой: «Нет, он же мой! Но мама говорит, что в нашей квартире мало места…» Анна увидела, как у него дрожат пальцы, и вдруг поняла, что сейчас нужно не утешать, а действовать.
Она позвонила своей соседке, тёте Люде,

которая вечно жаловалась, что её кот слишком спокойный и ей не хватает «жизненной энергии» в доме. Тётя Люда приехала, посмотрела на Ветра, который радостно прыгал, путаясь в поводке,
и
сказала:
— Да он же как ураган! Вот это мне и надо.
Мальчик смотрел на неё круглыми глазами, а Анна тихо шепнула: «Видишь? Иногда мир сам

подкидывает решения. Главное — не бояться их заметить».
Так Ветер обрёл дом — шумный, с котом, который поначалу шипел, но потом понял, что с таким соседом точно не соскучишься. А мальчик стал приходить к тёте Люде в гости — помогать вычёсывать шерсть, учиться правильно надевать ошейник, просто сидеть на кухне и пить какао. Анна тоже заглядывала, и они втроём — Анна, мальчик и тётя Люда — смеялись над тем, как Ветер умудряется перевернуть миску с водой, даже если она прикручена.
Ноябрь тем временем продолжал сыпать дождём и холодом, но теперь в нём было что-то ещё — маленькие тёплые островки. Кафе, приют, кухня

тёти Люды, где пахло пирогом и собачьей радостью. И самое главное — они больше не были одиноки в этом сером месяце.

В один из последних ноябрьских вечеров, когда уже чувствовалось дыхание декабря, Анна и мальчик шли по переулку — теперь уже не спеша, не пряча лица от ветра. Фонари горели, как и раньше, но теперь они казались не одинокими маяками, а просто светом, который помогает видеть дорогу.

— Знаете, — вдруг сказал мальчик, — я раньше думал, что ноябрь — это когда всё кончается. А теперь вижу, что он просто готовит место для чего-то
нового.

Анна улыбнулась и накинула шарф ему на плечи — тот самый, тёплый, с крупной вязкой.

— Ты очень правильно сказал. Ноябрь — это пауза перед новым началом. И здорово, что мы её прожили не поодиночке.

Они дошли до перекрёстка, где их пути расходились: мальчику — налево, к дому, Анне — направо, к её тихой квартире, которая теперь не
казалась

такой
уж
пустой.
—
До
завтра?
—
спросил
мальчик.
— Конечно, — ответила Анна. — У нас же ещё столько дел: надо узнать, как правильно чистить уши собаке, и тётя Люда обещала научить нас печь печенье.
Он кивнул, улыбнулся и побежал вперёд, чуть подпрыгивая от радости, а Ветер, который теперь был не просто щенком, а почти взрослой собакой, бежал рядом, поднимая брызги из луж. Анна смотрела им вслед, пока они не скрылись за поворотом, и чувствовала, как ноябрьский холод отступает перед простым, очень нужным теплом — теплом того, что ты кому-то нужен.

И когда она наконец пришла домой, села у окна и налила себе чашку чая, ноябрь уже не казался ей серым и бесконечным. Он был просто месяцем, который подарил ей встречу — тихую,

дождливую, но самую настоящую. Месяцем, который научил, что даже в самую холодную пору можно найти кого-то, кому хочется не пройти мимо. И что иногда именно в ноябре начинается самое тёплое.

37

Любовь

Любовь всем возрастам покорна,
Любовь не знает слова нет.
Любовь спасение от бед,
Любовь одно простое слово.
И равным слову больше нет!
Она и лечит и калечит,
Дает дыханье, кислород.
Но так бывает любовь губит,
Об этом знает даже идиот.
Вот говориться просто слово,
Всего лишь чувство что пьянит.
Отсюда ревности и ссоры,
От туда куча и обид.
Но не скупись в любви на чувства,
Они целители души.
В любви не будет тебе грустно,
Любовью человек дыши!

38

Мир

Мир замирает — не от страха, а от тяжести смысла,
Как будто сама тишина становится плотным покровом.
Дыханье старика ушло, растворилось в этом воздухе,
Став частью ветра, что шепчет над старым садом снова.
Глаза подернуты дымкой — не слепотой, а пределом взгляда,
Будто он видел то, что нельзя облечь в земные слова.
Там, за чертой, свет ложится иначе, без суеты и наряда,
И время теряет вес, становясь просто тенью сперва.
Жизнь не оборвалась — она тихо сняла свои одежды,
Оставив тело, как дом, где погашен последний огонь.
Не брошенный, не забытый, а просто отпущенный в нежность,
Как лодка, что вышла в море, оставив берег за спиной.
А Смерть, что стояла в углу, не как враг и не как судья,
А как старый друг, который давно ждал у ворот,
Сказала тихо: «Пора. Здесь больше нет твоего “я”,

39
Но есть твой путь — он начинается вот в этот поворот».
Она повела его не сквозь мрак, а сквозь тишину и пространство,
Где нет ни спешки, ни страха, ни груза прожитых лет.
Туда, где Тартар — не яма, а место для самоосознанья,
Где каждый дух, наконец, услышит собственный вечный ответ.
Не как чужестранец, сбившийся с дороги в чужой стороне,
А как путник, что, пройдя все тропы, узнаёт родной порог.
Пусть этот путь лежит во тьме — в ней тоже есть свет в глубине,
И каждый шаг — это возвращение к тому, что было в истоках.
Ведь смерть — не точка, что ставит предел и чертит границу,
А переход, где меняется мера вещей и имён.
Мир не рушится — он просто раскрывает новую страницу,
Где всё, что было, становится тихим, вечным огнём.
40

Что происходит?
Колокола не зовут — они напоминают строго,
Как метроном отсчитывает тихий, жёсткий срок.
Всё чаще слышу отпевание — и в груди так много
Того, что не сказать словами, не вложить в поток.
Живых всё меньше в телефонной книжке старой,
Теперь лишь автоответчик да безликий, ровный тон.
И радость, что когда-то грела, стала памятью усталой —
Как свет в окне, что гаснет к утру, растворяясь в сон.
Стучат гробовые крышки — сухо, без надрыва,
В глухой, пустой, забвенной тишине дворов.
И город кажется чужим, неторопливым,
А мы — всё ближе к вечным, тёмным берегам без слов.
А он лежит, укрытый саваном, спокойный,
Как будто сбросил груз земных забот.
Мы жили, не считая дней, легко и вольно,
Судьбу читали, словно книгу, наугад, вперёд.

Листали главы, не вникая в примечанья,
Пропускали строки, торопились жить скорей…
Теперь бы — оглянуться, да поздно для признанья:
Что упустили — стало лишь ценней.
Теперь нам остаётся только взгляд назад направить,
Окинуть жизнь, как карту, где стёрты города.
Что потеряли — не смогли исправить,
А что нашли — рассыпалось, как старая руда.
Такое наше мироздание — простое, жёсткое:
Не удержать, не переиграть, не повернуть.
Мы думали, что время — бесконечное, широкое,
А оказалось — тонкая, короткая минута тут.
«Куда пришёл — туда уйди!» — не просто фраза,
А горький, честный вывод прожитых лет подряд.
«Земнии убо от земли» — святая, тихая фраза,
Что шепчет нам: «Вы здесь — лишь гости. Говорят».
А позже — в землю, к корням, к тишине безмолвной,

Туда, где нет ни дат, ни списков, ни имён.

И пусть колокола поют над этой болью,
Как вечный, строгий, неизбежный камертон.
Но в этом стуке, в этой тишине звенящей,
Есть не одна лишь горечь — есть и мудрость давних лет.
Мы все уйдём — но в том, что было настоящим,
Останется не дата, а живой, не стёртый след.
Не в камне, не в табличке — в чьём-то тихом «помню»,
В случайной фразе, в добром деле, в слове невзначай.
Вот это и есть вечность — не в холодном, строгом томе,
А в том, как кто-то вспомнит — и чуть-чуть теплее станет чай.

Сигареты

Для чего человеку нужны сигареты?
Чтобы в пасмурный день у окна
Стоять в полумраке раздетым,
Чтобы горечь унять до утра.
Для чего человеку нужны сигареты?
Для чего. Может же он не курить.
Может, поможет сигарета от горя,
Чтобы забыть его — надо курить.
Может, это для нас с вами просто,

А человеку нужен запах и дым…
Для нас, может быть, не серьёзно,
А человек стоит тот один.
Его другом является лишь сигарета,
И сметает он пепел с окна,
Ведь у него с ней всё обоюдно:
Для неё тлеет он, а для него тлеет она….
44

Приходи на меня посмотреть

Приходи на меня посмотреть,
Хоть и скрыт я под слоем земли.
Не пытайся судьбу переделать —
Просто тихо со мной посиди.
Приходи, если мир стал холодным,
Если сердце сжимает тоска.
Я теперь стал безмолвным и ровным —
Лишь травинка дрожит у виска.
Не зови меня в прежние дали,
Не ищи во мне прежнего свет.
Мы с тобой эту боль разделяли —
А теперь в ней остался лишь след.
Присядь рядом, дыханье ровнее,
Пусть ветер шепнет о былом.
Всё, что было когда-то ценнее,
Стало тихим и обыденным сном.
45

Мастер
Вдруг не стать мне Творцом?
Не зачислят меня в мастера…
И венец подмастерья —
Мне сулят не друзья — шулера.
Раскидают тузы по колоде,
Обиграют и в ссылку сошлют.
Невинную душу погубят — убьют .
До конца мне ходить в подмастерьях.
В тени стариков мастеров.
Быть может какой то бездельник,
Ворвется в разряд шулеров.
Верой и правдой им служат шестерки.
Колода обыграет свой ход,
И все же какой то бездельник.
Самый простой идиот — вырвется в люди,
Козырное место в колоде займет.
Бог нам карты дает — вот он и рассудит.
Кто чье место в жизни займет.
46
От автора: Как то раз мне захотелось написать небольшую но интересную сказку, я не думал что у меня это получиться, но так как свою книгу я еще не дописал до конца решил попробовать себя в сфере сказок. Я конечно не мастер их написания, не имею

опыта в рассказе детям сказок, но думаю что первый очерк это не блин, который будет комом. И так как говорят там? Сказка……

«Пёрышко и часовой механизм»

В одном городе, где дома росли не из кирпича, а из старых, пожелтевших от времени книг, жил мальчик по имени Тёма. Его родители были Хранителями Городской Библиотеки, и поэтому Тёма с детства знал: тишина бывает разной. Бывает тишина спящего дома, бывает тишина перед грозой, а бывает особенная, библиотечная тишина — в ней слышно, как шепчутся страницы.

Тёма любил забираться на самый верхний ярус, туда, где полки терялись в полумраке, и слушать этот шёпот. Он не понимал слов, но чувствовал, что книги рассказывают друг другу истории. Однажды вечером, когда родители ушли закрывать дальние залы, Тёма заметил на

полу маленькое пёрышко. Оно было не белое и не серое, а странного цвета — будто впитало в себя все оттенки сумерек: фиолетовый, тёмно-синий и едва уловимый золотой.

— Ты чьё? — тихо спросил Тёма, поднимая его.

Пёрышко не ответило, но вдруг стало тёплым в

его ладони. Не успел Тёма удивиться, как пол под ногами дрогнул, словно вздохнул, и книжная полка рядом с ним плавно повернулась, открывая узкий проход, которого раньше там не было.

Тёма не был трусливым, но и безрассудным не был. Он оглянулся на пустую библиотеку, потом на проход, из которого тянуло запахом старой бумаги и чего-то ещё — холодного, как первый лёд на лужах. Он сунул пёрышко в карман, взял с полки фонарик и шагнул внутрь.

Проход вывел его в круглое помещение, стены которого были уставлены не книгами, а часами. Сотни часов! Настенные, напольные, карманные, песочные, солнечные — все они стояли. Ни один маятник не качался, ни одна стрелка не двигалась. В центре комнаты на постаменте лежали огромные золотые часы, циферблат которых был пуст — на нём не было цифр. Вместо них по кругу шли крошечные окошки, и в каждом окошке что-то шевелилось, словно там жили маленькие тени.

«Это Часовая Мастерская Времени», — раздался скрипучий голос. Из-за напольных часов выглянул маленький человечек в сюртуке

из лоскутов разных тканей. У него были длинные седые усы и очки на самом кончике носа.
— Меня зовут Мастер Тик, — представился он.
— А ты, должно быть, тот самый мальчик, который нашёл Потерянное Пёрышко.
— Какое пёрышко? — удивился Тёма и достал из кармана тёплое перо.
— То самое, — кивнул Мастер. — Это перо со шляпы Времени. Когда оно выпадает, часы останавливаются. Мир замирает. Если мы не запустим их снова до рассвета, город навсегда останется в этой тишине, и никто больше не сможет ничего изменить.
Тёма почувствовал, как у него похолодели пальцы.
— Но я ничего не умею чинить часы! — прошептал он.
— Чинить не надо, — вздохнул Мастер Тик. — Надо вернуть перо на место. Но чтобы добраться до Шляпы Времени, нам нужно пройти через три зала: Зал Забытых Минут, Туннель Потерянных Секунд и Комнату Вечных Вопросов. И самое главное: в этих залах нельзя спешить. Если ты будешь торопиться, время

начнёт бежать от тебя, и ты никогда не найдёшь дорогу назад.
Они вышли из Мастерской. Первый зал, Зал Забытых Минут, был наполнен туманом. В этом тумане висели обрывки фраз, полустёртые воспоминания и тусклые огоньки.
— Здесь живут минуты, которые люди не заметили, — объяснил Мастер Тик. — Они обиделись и спрятались. Чтобы пройти дальше, нужно найти одну важную минуту и назвать её вслух. Не любую, а ту, что была для тебя самой ценной.
Тёма задумался. Он вспомнил, как прошлым летом они с мамой сидели на скамейке и смотрели, как солнце садится за крыши домов. Они не говорили, просто сидели рядом, и Тёме казалось, что в этот момент весь мир принадлежит только им двоим.
— Я помню минуту, когда мы с мамой просто молчали и смотрели на закат, — сказал он.
Туман расступился, и перед ними возникла дверь.
Следующий путь вёл через Туннель Потерянных Секунд. Здесь было темно и очень тихо. Тёма чувствовал, как секунды проскальзывают мимо, как быстрые рыбки.

Мастер Тик предупредил:
— Не пытайся их ловить. Секунды любят

свободу. Просто иди медленно и слушай своё сердце. Его стук — это и есть время.
Тёма шёл, прислушиваясь к своему пульсу. Он считал удары: раз, два, три… И вдруг он понял, что секунды перестали убегать. Они выстроились в ровную дорожку под его ногами, позволяя ему идти дальше.
Наконец, они оказались перед тяжёлой деревянной дверью с резным узором. Это была Комната Вечных Вопросов. Мастер Тик остановился.
— Дальше ты должен пойти один, — сказал он мягко. — Комната пускает только того, кто задаёт вопрос не ради ответа, а ради того, чтобы лучше понять себя.
Тёма толкнул дверь. Комната была пуста, если не считать огромного зеркала в углу. Он подошёл к нему и увидел не своё отражение, а множество своих версий: Тёма, который плачет, Тёма, который смеётся, Тёма, который боится, Тёма, который помогает.
— Кто я? — тихо спросил он у зеркала. — И что я могу сделать, когда страшно?

Зеркало не ответило словами. Вместо этого оно показало ему одну-единственную картину: Тёма стоит на краю темноты, в руке у него горит маленький огонёк, и он не убегает, а делает шаг вперёд, чтобы осветить путь другим.

51

Дверь распахнулась, и Тёма вышел на вершину огромной башни. Ветер трепал его волосы, а над ним кружилось небо, полное звёзд. В центре площадки стояла фигура в длинном плаще. Это было Время. На его голове была шляпа, и одно перо на ней отсутствовало.

— Ты пришёл вернуть то, что потерял я, — сказало Время голосом, похожим на шелест страниц.

Тёма достал пёрышко. Оно сияло ярче любого фонаря. Он протянул его, и перо само взлетело, мягко опустившись на шляпу.

В тот же миг Тёма услышал далёкий, но нарастающий гул — это снова начали тикать часы во всём городе. Стрелки побежали, песок заструился, и мир наполнился звуком жизни.

Время улыбнулось — Тёма не видел лица, но почувствовал эту улыбку.

— Спасибо, — просто сказало оно. — Ты вернул мне перо, а себе — веру в то, что даже

маленький человек может спасти большой мир. Когда Тёма вернулся в библиотеку, родители всё ещё закрывали залы.

— Ты где пропадал? — спросила мама, обнимая его.

— Помогал чинить время, — серьёзно ответил Тёма, но тут же улыбнулся, чтобы она не подумала, что он фантазирует.

52

С тех пор Тёма знал: время — это не просто цифры на часах. Это минуты, которые мы дарим друг другу, секунды, которые проживаем с открытым сердцем, и вопросы, на которые ищем ответы, чтобы стать чуточку мудрее. А если вдруг станет тяжело, он всегда знал, куда идти: в библиотеку, к старым книгам, которые помнят всё.

53

Bien, et toi ?

Спокойной ночи — сладких снов, douce nuit ,
Желаю я тебе перед уходом в тишь.
Смыкая очи в мире грёз и снов,
Я вижу лик твой — в нём вся прелесть, слышишь?
Ты так неотразима в жизни, ma chérie ,
Что сон становится заветною мечтой.

Увидеть бы ещё тебя хоть на мгновенье,
И дать душе своей желанный, тихий покой.
Рукой бы дотянуться до письма,
Где строки шепчут: Bonjour, comment ça va?
А в сердце — отзвук, свет и тишина,
Ответ звучит: Bien, et toi, ma belle, toujours.
Пусть ночь укроет нежностью крыла,
Пусть сны плетут узоры из тепла.
А завтра вновь рассвет нас позовёт —
И счастье тихо в дом наш зайдёт.
54
Символ веры
Верую в Бога — Отца, Творца всего,
Что видимым стало и скрыто от глаз.
Верую в Сына — Христа твоего,
Что смертью Своею нас спас.
Он был распят, и страдал, и воскрес,
Сидит одесную у Божьих ворот.
Верую в Духа — незримый завес,
Что в сердце живёт и надежду даёт.
В Церковь святую, в единство людей,
В прощение грехов и в жизнь вечную.
Средь тысяч дорог и чужеродных огней
Держусь за слова, за молитву.
Пусть вера моя будет твёрдой, как сталь,
Не дрогнет в сомненьях, не сгинет во мгле.

Ты — мой маяк, моя тихая даль,
Храни мою душу в земной суете.
55
Мой человек
Есть люди как люди:
Добры, справедливы.
Есть люди как люди:
Мрачны и ранимы
Есть люди как люди:
Богаты, горды.
Есть люди как люди —
Отъели зады.
Есть люди как люди,
что очень красивы.
Есть люди как люди:
Гнилы и строптивы.
Есть люди как люди,
Что дарят нам жизнь
Есть люди как солнце
За них и держись.
56
Сей рассказ
Разве можно стать чужими
После стольких откровений?
Разве можно быть никем
После времени мучений?

Насквозь вы меня пронзили,
Но чужой для вас душой!
Вы — забудьте про меня,
Прогоните с глаз долой.
Счастья Вам со мной не ведать,
Жизнь не строить и любовь.
До конца Вам буду предан,
И предан Вами буду вновь.
Не нуждаюсь в ваших мыслях,
В ласке и пустых речах.
Вы с другим — на нём зависли,
Слово за слово, я так!
Приходите, посмотрите,
Что осталось от меня,
И меня вы помяните:
Я не ваш — вы не моя!
И теперь с друзьями вместе,
Впятером сидим сейчас.
Вам моей прошлой невесте,
Сочиняем сей рассказ.

57

Суждения про «Мастера и Маргариту»

Ночь в Москве была особенной — не просто тёмной, а будто пропитанной тайной. Где-то звенели трамваи, где-то хлопали форточки, а в одном из тихих переулков, в тесной комнатке,

сидел Мастер. Перед ним на столе лежала стопка исписанных листов — его роман, его исповедь, его проклятие и спасение. Он не смотрел на них. Он смотрел в окно, туда, где город терялся в сумерках, и думал, что, возможно, эти страницы — единственное, что в нём осталось настоящего.

Он был сломлен не столько критикой, сколько равнодушием. Слова, которые он выводил с такой болью, разлетались, как пепел на ветру, и никто не хотел их удержать. Даже он сам однажды бросил их в огонь — и только потом понял, что сжечь можно бумагу, но не мысль, не голос, не ту правду, которая уже поселилась в мире. «Рукописи не горят», — прозвучало тогда в его сознании чужим, но удивительно точным голосом. И в этом была какая-то горькая надежда.

А где-то в другом конце города, в роскошной квартире, которую она давно перестала считать своим домом, жила Маргарита. У неё было всё, что принято считать счастьем: достаток, уют,

заботливый муж, который любил её по-своему, спокойно и надёжно. Но в её душе жила пустота — та самая, которую не заполнишь ни дорогими

платьями, ни светскими разговорами. Она просыпалась по ночам и смотрела в темноту, будто ждала знака, слова, шага, который выведет её из этой золотой клетки.
Их встреча была не случайностью — она была неизбежностью. Словно две части одного целого, долго блуждавшие по разным сторонам жизни, наконец нашли друг друга. И с этого момента всё изменилось. Любовь Маргариты стала для Мастера не просто утешением — она стала щитом. Когда мир кричал ему, что он ничто, она шептала, что он гений. Когда он хотел сдаться, она заставляла его верить. В её глазах его роман был не просто текстом — он был чудом, и она готова была защищать это чудо любой ценой.
И когда пришло время настоящей битвы, Маргарита не дрогнула. Она приняла предложение, от которого у любого другого волосы встали бы дыбом, — потому что знала: это единственный путь спасти того, кто стал для неё всем. Став ведьмой, она не потеряла себя — напротив, она обрела ту силу, которая рождается из абсолютной преданности. Её полёт над городом был не торжеством зла, а

гимном свободе: наконец-то она могла дышать, наконец-то могла действовать, наконец-то могла быть собой.

Бал у Сатаны стал испытанием не только для Маргариты, но и для самой тьмы. Она стояла среди призраков, среди теней прошлого, среди тех, кто когда-то предал, солгал, погубил, — и не отвела взгляда. Её милосердие, проявленное к Фриде, оказалось сильнее любого колдовства: в мире, где привыкли платить злом за зло, она выбрала прощение. И именно это, как ни странно, заставило даже Воланда склонить голову в молчаливом уважении.

В финале, когда все линии сплелись — и Ершалаим, и Москва, и вечность, — Мастер получил не славу, не признание, не шумный успех. Он получил покой. Не забвение, не пустоту, а тот тихий свет, где можно наконец выдохнуть и сказать: «Я сделал всё, что мог». А рядом с ним была Маргарита — не как тень, не как отражение, а как равная, как та, без кого этот покой был бы невозможен.

Они ушли вместе, оставив за спиной и шум, и сплетни, и даже саму смерть. Их история стала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.